

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1905. Т. 3. № 12. С. 97–112 (3-я пагин.). (Продолжение.)

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ВТОРОЕ.

Начало второго вопроса Мамоны.

1. Окончивъ согласно своему плану первый вопросъ или скорѣе приказаніе, которымъ выказалъ дѣйствительно свое пребываніе у власти, Мамона переводить свою рѣчь къ другому вопросу. Какъ и прежде онъ лепечетъ и болтаетъ объ одномъ и томъ же и тщетно стремится къ недостижимому. Мы считаемъ необходимымъ привести нѣчто изъ этой болтовни, чтобы и здѣсь выказали себя дерзость и превозношеніе его мысли. Онъ говоритъ слѣдующее: „мы намѣрены спросить васъ касательно другого основного положенія; а именно мы полагаемъ, что изготовляющій икону Христа не постигъ глубины неслитнаго единенія двухъ естествъ во Христѣ“. Развѣ это не выходитъ за предѣлы всякой дерзости и надменія, вѣрнѣе же безумія и глупости? По своему великому неразумію онъ считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ, который восхищенъ даже не на третье, а на четвертое небо, слышалъ болѣе неизреченные глаголы, чѣмъ Павелъ, (2 Кор. 12, 1 ст.), приобрѣлъ божеское вѣдѣніе и, превзошедши всю тварь, постигъ то, чего не зналъ никто никогда. Кто не подивится этой непомерной дерзости? Я не го-

ворю уже объ Апостолахъ и другихъ учителяхъ церкви, которыхъ онъ подвергаетъ безчисленнымъ поруганіямъ, замарывая и зачеркивая ихъ ученіе, причѣмъ однихъ изъ нихъ высмѣиваетъ и поноситъ за понесенныя ими страданія тѣлесныя, а другихъ за ихъ болѣзни. Какъ онъ не устыдился поведенія и ревности къ святымъ со стороны тѣхъ, кои блистали на царскомъ тронѣ благочестіемъ и справедливостію? Они чтили Бога украшеніями и храмами и не только не уничтожали священную живопись, но съ усердіемъ устроили и располагали эти священныя украшенія въ святыхъ храмахъ, на священныхъ одеждахъ и сосудахъ, слѣдуя апостольскому и отеческому преданію. Безчисленное множество этихъ украшеній предлежитъ предъ глазами всѣхъ и донинѣ, какъ свидѣтельство благочестія прежнихъ царей и какъ обличеніе и выставленіе на позоръ неразумія и нечестія Мамоны. вмѣсто того, чтобы подражать ихъ жизни, правой вѣрѣ и благочестію, онъ объявилъ себя мудрѣе и умнѣе всѣхъ, во всемъ повинуваясь только своимъ страстямъ. Неужели тѣ, слѣдуя во всемъ учителямъ церкви, процвѣтавшимъ и прежде нихъ и въ ихъ время, не постигли всей глубины вѣры, и только одного этого чистѣйшая и непорочнѣйшая жизнь сдѣлала способнымъ проникнуть въ глубину неизреченныхъ таинъ Божіихъ? Конечно нѣтъ: и здѣсь какъ и во всемъ онъ выказываетъ себя явнымъ врагомъ по отношенію и къ нимъ и къ истинѣ.

2.—Но безмѣрно величаясь и стремясь переступить предѣлы человѣческаго слова и вѣдѣнія, онъ недоумѣваетъ касательно того, что ясно всѣмъ, когда говорить: „какъ можно изобразить Одного Того, Кто соединилъ два естества въ одномъ лицѣ, когда одно естество неописуемо“? Слѣдовательно, одно изъ двухъ

естествъ описывается. Къ этому привела его пытливость рѣчи и заставила высказаться вопреки желанію противъ собственнаго мнѣнія. Такимъ образомъ толкаемый самой истиной онъ вынужденъ былъ проворчать и прохрипѣть хоть малую долю правды, которой до сихъ поръ, какъ видно было, никогда не говорилъ. Онъ заблуждается въ главномъ, и распадается все ученіе его. Начавъ рѣчь о двухъ естествахъ, онъ заявилъ, что одно изъ нихъ неопишимо; отсюда ему приходится вопреки желанію другое объявить опишымъ. Ибо кто изъ здравомыслящихъ, сказавъ, что онъ не знаетъ одного изъ двухъ людей, не заявитъ одновременно, что другого онъ знаетъ. Такъ становятся смѣшны его дѣтскіе замыслы и превозношеніе. Мамона умолчалъ объ этомъ, хотя и долженъ былъ присоединить и остальное. Не рѣшился онъ на это, дабы не изобличались замыслы или скорѣе безуміе его. Итакъ, даже тѣмъ, которые не признають различія естествъ, онъ далъ поводъ думать, что одно изъ нихъ опишимо; и здѣсь невольно обнаружилъ признаніе того, чего часто избѣгалъ. И сколько сказалось тутъ тупости и безумія! Какъ великая мудрость его превратилась въ неразуміе, какъ постыдно уловленъ онъ лукавствомъ собственныхъ рѣчей, дабы легко была видна ложь его зловѣрія и открылся свѣтъ истины! Почему бы ему въ своемъ недоумѣніи не прибавить еще и слѣдующаго: какъ Христосъ могъ претерпѣть то, что Онъ претерпѣлъ, когда одно естество Его безстрастно? Или: какъ Онъ умеръ и былъ заключенъ во гробъ, когда одно естество Его безсмертно и невмѣстимо?

Но Мамона опускаетъ это, переводитъ рѣчь къ другому предмету, указываетъ на хлѣбъ и вино, которыхъ мы приобщаемся въ божественномъ таинствѣ, и

говорить: „по божеству Своему предузнавъ смерть и воскресеніе Свое и вознесеніе на небо, Онъ дабы мы вѣрующіе въ Него имѣли день и ночь ясное воспоминаніе о Его воплощеніи“... Развѣ это не безумнѣе предъидущаго, ибо высказываетъ не столько нечестіе его, сколько малосмысліе и тупость: онъ не понимаетъ ни того, что говоритъ, ни того, о чемъ разсуждаетъ. Что можно отвѣтить ему. Икона Христа есть ли напоминаніе о Немъ или нѣтъ? Зная хорошо, что икона являетъ намъ Его, онъ безумствуетъ противъ нея и неистовствуетъ противъ Христа и Его наслѣдія. Такъ какъ тяжело Ему видѣть Христа на иконѣ, то надписаніе имени не вызываетъ у него воспоминанія о Немъ. Почему же онъ гнѣвается и борется? Неужели потому, что къ иконѣ прилагается имя Христа? Развѣ священныя изображенія не возвѣщаютъ намъ воплощеніе и страданія, которыхъ Онъ, какъ человекъ, перенесъ ради насъ, Его распятіе, смерть и воскресеніе? Не отмѣчаютъ предъ нами чудеса и знаменія, которыя Онъ сотворилъ, какъ Богъ? Опровергать все это бесполезно и молчать предъ безумцами не предосудительно.

Затѣмъ Мамона прибавляетъ: „Христось повелѣлъ святымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ передать образъ подвига любви Его въ тѣлѣ Его, дабы мы чрезъ священнослужительское возношеніе посредствомъ причащенія и усвоенія принимали какъ само и истинное тѣло Его“. Какъ онъ представляетъ тѣло Господне, объ этомъ судить предоставимъ ему самому съ его выучениками. Съ своей стороны на его слова мы отвѣтимъ слѣдующее. Такъ какъ, по его словамъ, совершаемое посредствомъ причащенія и усвоенія становится подлинно и истинно тѣломъ Христовымъ, присущимъ самому Слову, то онъ признаетъ

его тождественнымъ съ тѣломъ, которое Слово восприняло отъ Пресвятой Дѣвы. Теперь необходимо задаться вопросомъ о томъ, какимъ становится это тѣло послѣ божественнаго священнослуженія и освященія—описуемымъ или неописуемымъ? Нѣтъ такого сумасшедшаго и безумца, который бы дерзнулъ называть его неописуемымъ; я думаю, что даже самъ Мамона не сказалъ бы этого. Ибо какимъ образомъ можетъ быть неописуемо то, что чувственно предлежитъ глазамъ человѣка, объемлется руками, взимается зубами и вкушается? Все это чѣмъ инымъ представляется и выказываетъ его, какъ не совершенно описуемымъ? Если же оно описуемо, и это же свойство принадлежитъ и тому тѣлу, которое въ началѣ восприняло воплотившееся Слово, ибо это одинаковое отношеніе имѣетъ и къ тому, то конечно описуемо и оно (тѣло Слова). Отсюда Мамона оказывается въ полномъ противорѣчій съ собою. Онъ долженъ или считать неописуемымъ и тѣло Христово (въ Евхаристіи), дабы не только до конца выказать свое невѣріе и безбожіе, но и представить въ глазахъ всѣхъ свои мысли смѣшными и потѣшными,—или же признавать и тѣло Слова описуемымъ.

3.—Таковы наши соображенія. Изъ того же положенія у Мамоны получается и другая нелѣпость. Собственными словами онъ вынуждается утверждать, что Божественное Слово или соописуетъ съ этимъ, вслѣдствіе пріобщенія ставшимъ, тѣломъ, или же отдѣляется отъ него вслѣдствіе единства ипостаси, такъ что на самомъ дѣлѣ оно не получаетъ никакого освященія и благодати. Но тогда чтоже у него выходитъ, какъ не пріобщеніе простаго хлѣба и вина, ни въ чемъ не отличныхъ отъ принимаемыхъ человѣкомъ въ пищу? „И хотя бы мы пожелали представлять его,

какъ образъ тѣла Его, произшедшій отъ него, мы принимаемъ его за изображеніе тѣло Его“. Какъ раньше этотъ заблудившійся мудрецъ утверждалъ, что образъ ничѣмъ не отличается отъ первообраза, такъ и здѣсь онъ выражаетъ о нихъ тоже мнѣніе. Изумительна и тутъ неустойчивость и нетвердость его мысли, потомучто то, что недавно рѣшительно принималъ какъ собственное и истинное тѣло Христово, теперь считаетъ уже образомъ тѣла Его. Но что можетъ быть смѣшнѣе и безумнѣе утвержденія, что одно и тоже есть и тѣло и образъ Его? И притомъ какимъ образомъ?—Такимъ, что „если бы мы захотѣли“..., все предоставляя нашей волѣ и рѣшенію легкомыслія. Гдѣ не насаждена вѣра или страхъ Божій, тамъ волей распоряжается страсть. „Его (тѣло въ Евхаристіи) мы принимаемъ, говоритъ Мамона, за изображеніе тѣла Его“, не вслѣдствіе истинности (такого отношенія), а какъ захочетъ онъ установить это отношеніе, (не взирая на то), сообразно ли оно съ существомъ дѣла или нѣтъ. Мы же называемъ это не образомъ и не отраженіемъ тѣла Христа, хотя таинство и совершается при помощи символовъ, а самымъ тѣломъ Христовымъ обожественнымъ. Ибо такъ Онъ самъ говоритъ: *аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пиете крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53). Тоже Онъ предалъ ученикамъ Своимъ, говоря: *примите, ядите тѣло мое*, а не образъ тѣла Моего, ибо Онъ воспринялъ плоть дѣйствіемъ Святаго Духа отъ Пресвятой Дѣвы. Если нужно доказывать это на случаѣ изъ нашей жизни, то какъ напр. хлѣбъ, вино и вода превращаются въ плоть и кровь ядущаго и пьющаго, причемъ мы не говоримъ, что наше тѣло становится инымъ по сравненію съ прежнимъ, такъ хлѣбъ и вино въ Евхаристіи преестественно

призываніемъ священнодѣйствующаго и наитіемъ Святаго Духа претворяются въ тѣло и кровь Христову. Такъ именно и гласитъ молитва священническая. И мы уже не считаемъ ихъ двумя, но вѣруемъ, что они остановятся однимъ и тѣмъ же. Если же они и могутъ бы названы противообразами (*antitypa*), то такое названіе приложимо къ нимъ не послѣ, а прежде освященія. И какъ скоро Мамона утверждаетъ, что „если описываешь, то раздѣляешь Христа, или вмѣстѣ съ тѣмъ описываешь и Слово“, то онъ могъ бы говорить и такъ: если приносишь жертву, то раздѣляешь Христа, ибо надъ тѣломъ священнодѣйствуешь, а не надъ божескою природою. Вѣдь Великій Архіерей нашъ, какъ человѣкъ, называется приношеніемъ, агнцемъ и жертвой, поскольку Онъ есть и называется человѣкомъ. Итакъ ты, согласно твоимъ словамъ, или приносишь въ жертву и Слово, по причинѣ единства ипостаси, или, принося жертву, ты отдѣляешь человѣческое естество. А если мы слѣдуемъ за учителемъ твоимъ Евсеіемъ, который говоритъ, что плоть вся всецѣло перестала быть плотію, преложилося въ естество божеское: то оказывается, что ты тщетно приносишь жертву. Чего будетъ причащаться человѣкъ? Не будетъ-ли казаться, что онъ причащается не плоти Бога, а божескаго естества? Но это монахейское измышленіе.

Питая злобу противъ тѣла Христова, Мамона не дерзаетъ ничего говорить богохульнаго противъ того, что касается причащенія его, но прибавляетъ, слѣдующее:

„Чтоже? И хлѣбъ, который мы принимаемъ, есть образъ (*είκων*) тѣла Его, изображающій (*μορφάζων*) плоть Его, какъ обращающійся въ отобразъ (*τύπον*) тѣла Его“. Черезъ союзъ „и“ даетъ понять, что есть и

другой образъ тѣла Христа и помимо хлѣба. Мамона умѣряетъ здѣсь свое нечестіе, ибо богоборствуя во многихъ другихъ мѣстахъ, онъ не стремился называть его идоломъ. Тѣмъ не менѣе онъ не объясняетъ, какой изъ этихъ образовъ выразительнѣе, или, вѣрнѣе, имѣетъ болѣе подобія съ первообразомъ. Между тѣмъ здѣсь у него оказывается странность: въ одномъ случаѣ онъ называетъ это тѣломъ въ собственномъ и истинномъ смыслѣ; въ другомъ—образомъ (*είκόν*) тѣла, каковое заблужденіе онъ поддерживаетъ потому, что усердно стремится упразднить евангельскую исторію и повѣствованія. На это ему можно между прочимъ сказать слѣдующее: хлѣбъ по твоему мнѣнію, не есть ни тѣло Христово, ни образъ тѣла Его. Если ты скажешь, что онъ описуемъ, потому что онъ взимается губами и зубами, то онъ не есть тѣло Христово и не соединенъ съ Словомъ, ибо ты часто раньше утверждалъ, что тѣло Христа неописуемо вслѣдствіе соединенія его со Словомъ. Если же ты назовешь хлѣбъ Евхаристіи образомъ тѣла, то онъ отбѣляется не только какъ образъ, но и потому, что отдѣляетъ естественное тѣло отъ соединенія со словомъ. Такъ заблужденіе и нечестіе не стоятъ въ согласіи сами съ собою. Итакъ, или заяви, что этотъ хлѣбъ неописуемъ, чтобы свое измышленіе довести до конца; или же все, тобою сочиненное, окажется вздоромъ.

Послѣ этого онъ говоритъ слѣдующее: „не всякій хлѣбъ есть тѣло Его, равно какъ не всякое вино есть кровь Его, а только тотъ, который посредствомъ священническаго тайнодѣйствія возносится, изъ рукотворнаго (состоянія обращаясь) въ нерукотворное“. Какъ будто можетъ кто недоумѣвать и сомнѣваться, онъ твердо и увѣренно заявляетъ, что не всякій хлѣбъ есть тѣло Его и не всякое вино есть кровь Его. Из-

рекать такія положенія, не требующія никакихъ доказательствъ, достойно мудрости Мамоны. Опуская это, какъ болтовню и вздоръ, развѣваемый на вѣтеръ, мы будемъ разсуждать такъ: если священнодѣйствуемые хлѣбъ и вино описуемы, то тѣло, которое носилъ Богъ-Слово, да, по его мнѣнію, не было принесено въ жертву, и поэтому именно онъ называетъ его неопикуемымъ. Но тогда какъ и откуда мы будемъ знать объ этомъ жертвоприношеніи, о великой, непорочной честной и очистительной и спасительной для всего міра жертвы? Еслибы Мамона вѣрилъ, что она принесена за спасеніе всѣхъ, то это по крайней мѣрѣ, не говоря о всемъ другомъ, должно бы привести его къ признанію, что и она описуема. И если не естественномъ, что утверждать безумно, — то тайнодѣйствіемъ по крайней мѣрѣ, согласно его мнѣнію, она должна быть описуемою. И такъ, тѣло Христа описуемо, хотя бы Мамона и не хотѣлъ этого.

Послѣ обильной болтовни объ этомъ и пустословія, коихъ мы съ презрѣніемъ гнушаемся, какъ бессмысленныхъ и безпорядочныхъ звуковъ людей бѣснующихся и безумныхъ, такъ какъ они оскорбляютъ слухъ людей благочестивыхъ и здравомыслящихъ и мараютъ языкъ говорящихъ, наполняя его непристойнымъ вздоромъ, — къ концу своего сочиненія, заканчивая рѣчь, онъ излагаетъ слѣдующее. Прежде всего связывая клятвою, онъ утверждаетъ, что никто изъ тѣхъ, о комъ онъ говоритъ, не возбуждалъ подозрѣнія касательно своей вѣры во Христа и не неистовствовалъ противъ иконы Его. По этому пункту онъ выступаетъ съ защитой, показывая, какъ приписана была ему вина. Онъ утверждаетъ, что клевета касательно его сильно распространилась не прежде того времени, когда возстали и произвели смуты его родственники

и свойственники ¹⁾. Эти клеветы заявляли о его отпадении отъ Бога и такимъ образомъ сдѣлали его преступникомъ въ глазахъ многихъ. Затѣмъ страшными и многочисленными клятвами, вопреки евангельскимъ заповѣдямъ, онъ старается увѣрить, или, точнѣе сказать, поиздѣваться надъ клятвопреступленіемъ,—что ни словомъ, ни дѣломъ онъ не таковъ, и что, предложивъ собравшимся епископамъ свой взглядъ и сужденіе касательно этого догмата, онъ принялъ ихъ опредѣленіе. Но немного спустя, снова по обычаю своему, возвращаясь отъ притворныхъ рѣчей къ самому себѣ, изрекаетъ какъ судья и учитель.

4. „Если мы убѣдили васъ, что правильно говоримъ касательно этой одной иконы (Спасителя), то мы изложимъ предъ вами соображенія касательно и другихъ иконъ, чтобы вы разсудили и о нихъ. Мы съ радостію примемъ вашъ судъ, когда вы придете къ соглашенію съ другими епископами и подадите голосъ по основательнымъ соображеніямъ“. Таковы его слова, изъ которыхъ мы нѣчто привели буквально, чтобы показать его отпаденіе отъ Бога, избличить ложь его клятвъ и болтовни и сдѣлать явными его притворство, хитрость и обманъ невѣдущихъ. Что же за причина вызываетъ у него желаніе говорить о другихъ иконахъ? Какихъ цѣлей онъ хочетъ достигнуть? Всякому ясно, что, соткавъ нелѣпость и вздоръ противъ воплощенія Бога-Слова, онъ нечестиво направляется къ бѣснованію противъ священныхъ памятниковъ святыхъ и прежде нихъ противъ памятниковъ предстоятельницы святыхъ, превышей всѣхъ

---

¹⁾ Разумѣется возстаніе Артавазда, зятя по сестрѣ Константина.

тварей пресвятой Владычицы нашей Богоматери, что бы и Ее подвергнуть поношенію вмѣстѣ съ рожденнымъ Ею.

Полезно знать, каковы замыслы этой богоненавистой и безбожной души: не думаетъ-ли онъ и здѣсь выставить на видъ описуемое и неопишуемое, или двойственную природу святыхъ, состоящую изъ естествъ божескаго и человѣческаго? Или можетъ быть онъ усвоилъ то, что могли внушить ему его наставители и руководители, именно что ипостась каждаго святаго является двойною, состоящею изъ души и тѣла? И если святые будутъ изображаться, то необходимо вмѣстѣ будетъ начертана и изображена и душа, или же она, какъ нѣкогда имѣющая оставить тѣло, должна отдѣлиться отъ него (вслѣдствіе изображенія тѣла). И ту самую болтовню и нелѣпости, которыми онъ пользовался въ рѣчи объ ипостаси Христовой, онъ можетъ пустословить и здѣсь. По скольку можно судить на основаніи того, что онъ говорилъ и дѣлалъ, нетрудно распознать его замыслы.

Такъ какъ нѣтъ ничего гнуснаго и нечестиваго, чего бы онъ не измыслилъ противъ величія Божества и святыхъ,—такъ какъ нѣтъ ничего преступнаго и нелѣпаго, чего бы онъ не сдѣлалъ,—такъ какъ ничего не оставилъ въ непогрѣшимой вѣрѣ безъ обвиненія и оклеветанія: то вслѣдствіе этого прежде всего дерзаетъ высказаться противъ слова „*Богородица*“, предлагая совершенно изгнать его изъ языка христіанъ. Онъ весьма гнѣвается и негодуетъ противъ употребленія этого имени, которое обычно у христіанъ и котораго, какъ мы видимъ, не выносятъ Іудеи. Затѣмъ онъ зачеркиваетъ и уничтожаетъ все, о чемъ мы просимъ во имя ея и что въ молитвахъ къ Рожденному Ею и прошеніяхъ пѣсенно всегда возглашаютъ о спа-

сеніи всего міра молящіеся, такъ какъ мы исповѣдуемъ и проповѣдуемъ, что мы имѣемъ въ ней ходатаицу и надежную заступницу предъ Нимъ вслѣдствіе принадлежащаго ей, какъ Матери, дерзновенія. Наконецъ, онъ совершенно отвергаетъ молитвенное обращеніе къ ней, за которое угрожало или издѣвательство или судъ. И зачѣмъ указывать подробности, когда онъ былъ даже противъ напоминанія имени Ея? Относительно другихъ святыхъ теперь распространяться незачѣмъ. Онъ не только не считалъ достаточнымъ постыдно поносить и осмѣивать ихъ безбожными рѣчами, но даже истреблялъ огнемъ святыхъ и честныя мощи ихъ.

5.—Разъ сдѣлавшись врагомъ Христа и всѣхъ христіанъ, нарушителемъ божественныхъ законовъ и противникомъ священныхъ каноновъ, изданныхъ апостолами и святыми отцами, Мамона установилъ, что не слѣдуетъ въ основаніи божественныхъ престоловъ честнаго алтаря полагать мощи согласно христіанскому обычаю. Для людей боголюбивыхъ и поклонниковъ мучениковъ, воздававшихъ имъ, какъ подобаетъ, почтеніе, существовала крайняя опасность. Отсюда и храмы, построенные въ то время, по видимому освящались безъ мощей святыхъ. На мѣсто ихъ они полагали останки совершаемыхъ ими таинствъ, по истинѣ дѣлая достойное своихъ догматовъ и священнодѣйствій, ибо апостольское преданіе не позволяетъ этого. Да и какъ бы сталъ чтить мощи святыхъ Мамона, который безстыдно, дерзко и безбожно разрушалъ и ниспровергалъ посвященные ихъ именамъ святые храмы, которые нѣкогда воздвигли вѣрующіе и благочестивые христіане? Особенно разрушалъ онъ тѣ изъ нихъ, гдѣ были отпечатлены святые подвиги ихъ и гдѣ покоились честныя мощи ихъ.

Онъ дѣйствовалъ и домогался, чтобы впредь память объ именахъ ихъ исчезла среди людей.

6.—Благовременно и полезно въ настоящемъ случаѣ и сообразно съ достоинствомъ святыхъ высказать, что они, какъ слуги Божіи, подъявшіе крестъ въ этой жизни, послѣдовали за Христомъ, сораспяли себя съ нимъ и содѣлались подражателями и причастниками Его животворящихъ страданій и спасительной смерти. Вслѣдствіе сего они будутъ во вѣкъ соцарствовать съ Нимъ. А теперь послѣ ихъ отшествія отсюда они нисколько не менѣе подвергаются вмѣстѣ со Христомъ преслѣдованіямъ и страданіямъ. То, что прежде случилось съ первообразами, теперь происходитъ съ священными изображеніями ихъ. За двойные подвиги во время двойныхъ гоненій и преслѣдованій они увѣнчиваются раздаятелемъ наградъ Христомъ и живутъ вѣчно съ Богомъ и въ мирѣ, хотя глазамъ этого безумца они представляются умершими. А этотъ незаконный отошелъ ни съ чѣмъ, пожавъ плоды достойные трудовъ своихъ и унаслѣдовавъ геенну огненную, уготованную ему и вождамъ его. Этотъ отступникъ послѣ отступниковъ, жестокой и свирѣпый гонитель послѣ гонителей не удовольствовался проявлять гнѣвъ и угрозы въ отношеніи къ живымъ и благочестиво избравшимъ жизнь по Богѣ и подвергать ихъ несправедливѣйшимъ наказаніямъ, но насколько было въ его силахъ покрыть позоромъ и безславіемъ и прежде отшедшихъ, прославившихся многими дѣяніями неустрашимости и подвигами, смѣнившими жизнь мученическимъ концомъ. Таково было его легкомысліе въ отношеніи къ святымъ, таково было его незаконіе въ отношеніи къ праведникамъ, такимъ поруганіемъ Бога и святыхъ воздалъ онъ за благо жизни. Я не буду теперь говорить, что и какъ

онъ пустословилъ противъ евангельской проповѣди, какъ онъ попиралъ евангельскую жизнь и старался жизнь людей преобразовать по своимъ плотскимъ и извращеннымъ желаніямъ. Таковы, говоря кратко, намѣренія, которыя онъ положилъ себѣ осуществить, таковы козни и предпріятія, которыя воздвигъ этотъ врагъ Христовъ противъ непогрѣшимой вѣры нашей и ангелоподобнаго жительствова христіанъ. Но война противъ святыхъ, отъ вѣка на землѣ славящихъ Господа, должна была прекратиться здѣсь, и замыслы, которые онъ неразумно и безбожно надѣялся осуществить, подвергая поношенію безъ всякаго уваженія божественные храмы и священную память ихъ, должны были имѣть конецъ. Достигнувъ немногаго изъ намѣченнаго, Мамона если бы и не достигъ всего, то навѣрно причинилъ бы величайшій вредъ, если бы жилъ доселѣ.

7.—Что онъ сказалъ бы о небесныхъ святыхъ и премірныхъ силахъ? Каковы намѣренія, которыя онъ хотѣлъ привести въ исполненіе, чтобы и въ отношеніи къ нимъ совершить беззаконіе. Какія клеветы и нелѣпости постарался онъ изобрѣсти, чтобы обезславить ихъ? Такъ какъ ему представлялся случай поглумиться и продолжить свои выводы, то онъ могъ приписать ангеламъ неопикуемость, что, какъ ясно всякому, пріятно и привычно для него и полезно для его нечестиваго ученія. Между тѣмъ ангеловъ хотя и можно назвать неопикуемыми, но не вполне: они опикуемы (*περιορίσθηται*—ограничены) по началу своему, ибо и они начали существовать; а то, что начало существовать, несвободно вполне отъ ограниченія. Затѣмъ будучи тварями, они ограничиваются Творцомъ. А кромѣ того они ограничены въ способности вѣдѣнія. Какъ силы духовныя, они сообщаютъ другъ другу о своихъ помышленіяхъ и, насколько возможно, позна-

ють природу другъ друга, ибо и познаваніе есть одинъ изъ видовъ ограниченія. Но, будучи духами, ангелы и пребываютъ въ духовныхъ пространствахъ, а не опредѣляются тѣлесно или чувственно. Не имѣя тѣла и влѣдствіе этого лишенные вида, величины и тѣлеснаго образа, они, конечно, не могутъ быть заключены въ чувственномъ пространствѣ. Но не объ этомъ у насъ идетъ теперь дѣло. Задача наша опредѣлить не то, ограничены-ли они или нѣтъ, а то, можно-ли ихъ начертывать и изображать. Здѣсь необходимо употреблять слова (описуемый и изображимый—*περιγραπτός* и *γραπτός*) въ ихъ собственномъ значеніи; насколько они различаются между собою, объ этомъ рѣчь будетъ немного послѣ.

8.—Свою рѣчь Мамона ведетъ съ притворствомъ и лестію, стараясь, чтобы большинство могло подумать, что есть нѣчто достойное вниманія въ его предложеніяхъ. На дѣлѣ же онъ пускалъ въ ходъ власть, которою приводилъ въ исполненіе всѣ свои планы. Но мы защищая истинное ученіе и ведя рѣчь о томъ, что святые ангелы начертываются и изображаются, кратко представимъ наиболѣе важныя свои соображенія. Прежде всего о возможности изображать ангеловъ свидѣтельствуютъ факты, твердо удостовѣряемые тѣмъ, что мы видимъ и что предлежитъ нашимъ глазамъ. Всюду на землѣ во святыхъ храмахъ картины наполнены священными изображеніями безтѣлесныхъ силъ, и преданіе объ этомъ въ католической церкви держится изначала. Требовать доказательства этого было бы верхомъ всякаго легкомыслія и глупости. Затѣмъ этому ясно насъ наставляетъ богопреданное Писаніе. И чтобы начать съ самаго перваго ближайшаго къ Богу и первымъ возсіявшаго небеснаго чина, посмотримъ, что говоритъ Павелъ о

ковчегѣ, находившемся въ скиніи подзаконной: *а надъ нимъ херувими славы, остѣняющіе очистилище* (Евр. 9, 5). Съ именемъ же херувимовъ славы, согласно правильному толкованію учителей церкви, связано представленіе о состояніи прославленія, славы, пребыванія вблизи Бога. Еврейскій языкъ этимъ именемъ обозначаетъ богатство вѣдѣнія, изліяніе мудрости. Относительно того, каковы же эти херувимы, Мамона, если бы онъ имѣлъ умъ слышать, услышалъ бы и узналъ бы, что Писаніе изображаетъ не самыхъ божественныхъ и превыспренныхъ херувимовъ, которые безтѣлесны, безвидны, безобразны, духовны и разумны, а священные изображенія ихъ, изготовленныя изъ чистѣйшаго и блестящаго матеріала, вычеканенныя изъ золота, сдѣланныя руками человѣческими по повелѣнію Божію, бездушныя, неподвижныя, названныя однимъ съ ними именемъ, причастныя названію, удостоившіяся славы и благодати.

Что же дѣлать? Вѣрить этому или зачеркивать Павла, который говоритъ объ этомъ? Пріятно и желательно было бы Мамонѣ удалиться отъ апостольскаго ученія и перестать быть христіаниномъ, а также не слѣдовать Моисею, которому было повелѣно сдѣлать изображенія, не быть даже евреемъ и, если нужно говорить самое наихудшее, не признавать самого Бога, повелѣвшаго это. Что говоритъ Богъ, бесѣдуя съ рабомъ Своимъ? *Видь да сотвориши вся по образу показанному тебѣ, и познавъ буду тебѣ оттуду* (Исх. 25, 40 и 22), имѣя въ виду херувимовъ. А развѣ не честно и не достойно почтенія то, по чему Богъ познается людьми? Всякій, благоговѣйно относящійся къ святымъ, признаетъ это. Что же унаслѣдуетъ и съ кѣмъ сопричисленъ будетъ тотъ, кто попираетъ святыню, понять это легко всякому желающему: конечно, съ